

Собрание сочинений ЭДВАРДА РАДЗИНСКОГО

Николай II

Распутин

Сталин

Александр II

Бабье царство

Загадки истории

Иван Грозный

Наполеон

Апокалипсис от Кобы.

Начало

Апокалипсис от Кобы.

Гибель богов

Апокалипсис от Кобы.

Последняя загадка

Две революции

Царство палача

Железная маска

Князь. Записки стукача

Загадки любви

104 страницы про любовь

Я стою у ресторана,
замуж поздно, сдохнуть рано

Дочь Ленина. Взгляд на историю

Сократ. Нерон. Луний. Трилогия

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

СТАЛИН

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Радзинский, Эдвард Станиславович

Р15 Собрание сочинений. Полная версия. В 18 томах. Том 3. Сталин. Жизнь и смерть / Эдвард Радзинский. — Москва: Издательство АСТ, 2027. — 576 с.: илл. — (*Собрание сочинений Радзинского*).

ISBN 978-5-17-191913-9

«Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой» (ОТК. 18: 10). «Я первый и Я последний, и кроме меня нет Бога» (Ис. 44:6). Эти слова Святой Книги должен был хорошо знать ученик Духовной семинарии маленький Сосо Джугашвили, вошедший в мировую историю под именем Сталина. Одна из лучших книг Эдварда Радзинского о самом противоречивом герое мировой истории.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191913-9

© Радзинский Э.С., 2027

© ООО «Издательство АСТ», 2027

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	9
Часть первая. СОСО: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ	19
Глава 1. Маленький ангел.....	21
Глава 2. Загадки детства и юности	31
Глава 3. Конец Сосо	41
 Часть вторая. КОБА: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.....	45
Глава 4. Загадки Кобы	47
Глава 5. Новый Коба	85
Глава 6. Партии Великого шахматиста.....	90
Глава 7. Великая утопия.....	119
Глава 8. «Специалист по катастрофам»	137
Глава 9. Рождение Сталина	173
 Часть третья. СТАЛИН: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ	191
Глава 10. Бывшая тень	193
Глава 11. Конец вождей Октября.....	206
Глава 12. Переломанная страна.....	226
Глава 13. Гибель Надежды	266
Глава 14. Съезд Победителя	298
Глава 15. Триллер Революции.....	311

Глава 16. Истребление «Народа Гнева Моего»	328
Глава 17. «Любимец Партии».....	349
Глава 18. Создание Новой Страны.....	377
Глава 19. Служитель Священного Огня.....	401
Глава 20. Великая Мечта	426
Глава 21. Первые дни войны.....	448
Глава 22. Семья и война	478
Глава 23. Возвращение страха	499
Глава 24. Несостоявшийся Апокалипсис.....	527
Глава 25. Смерть или убийство?	553
Библиография	568

Об этой книге я думал всю свою жизнь.
И о ней до самой своей смерти думал мой отец.
Отец умер в 1969 году, и тогда я начал писать эту книгу.
Я писал ее, окруженный тенями тех, кого видел в детстве.
Я включил в эту книгу и их рассказы о Сталине.
Рассказы, которые так любил пересказывать
мне отец с вечным рефреном:
— Может быть, ты когда-нибудь о нем напишешь.

ОТЦУ
я посвящаю эту книгу

И дана была ему власть
над всяким коленом и народом,
и языком и племенем...
И говорил и действовал так,
чтобы убиваем был всякий,
кто не будет поклоняться образу зверя.

Отк. 13: 7–15

И один сильный Ангел взял камень,
подобный большому жернову,
и поверг в море, говоря:
с таким стремлением повержен будет
Вавилон, великий город,
и уже не будет его...
ибо... волшебством твоим
введены в заблуждение все народы.
И в нем найдена кровь пророков и святых
и всех убитых на земле.

Отк. 18: 21–24

ПРОЛОГ

ИМЯ

Каждый день самая большая в мире страна просыпалась с его именем на устах. Каждый день его имя звучало по радио, гремело в песнях, смотрело со страниц всех газет. Это имя, как величайшую награду, присваивали заводам, колхозам, улицам и городам. С его именем шли на смерть солдаты. Сталинград во время войны истек кровью, земля превратилась в коросту, начиненную снарядами, но город, носивший его имя, не был сдан врагу. Во время устроенных им политических процессов жертвы, умирая, славили его имя. И в лагерях, где миллионы загнанных за колючую проволоку поворачивали вспять реки, возводили города за Полярным кругом и гибли сотнями тысяч — они свершали все это под его портретами. Его статуи в граните и бронзе высились по необозримой стране.

Гигантская статуя Сталина стояла на Волго-Доне — очередном канале, построенном его заключенными.

Однажды смотритель, следивший за статуей, с ужасом обнаружил, что птицы во время сезонных перелетов полюбили отдыхать на голове статуи. Нетрудно представить, во что грозило обратиться лицо Вождя. Но птиц наказать нельзя. А людей можно. И насмерть перепуганное руководство области нашло выход: сквозь гигантскую голову пропустили ток высокого напряжения. Теперь статуя стояла, окруженная ковром из мертвых птиц. Каждое утро смотритель закапывал птичьи трупы, и земля, удобренная ими, цвела. И статуя, очищенная от птичьего помета, глядела в волжские просторы на цветущие берега, удобренные уже телами человеческими — строителями великого канала...

Кем он был для нас?

Один из видных хозяйственников тех лет, Ю. Борисов, рассказывал уже в 60-х годах: «Вызывает меня товарищ Сталин. До этого мне не приходилось беседовать с ним. Ехал как в тумане. Ответ на его вопрос выпалил, глядя ему в глаза, стараясь не мигать. Мы все знали его фразу: «Глаза бегают — значит, на душе не чисто». Выслушав ответ, он сказал: «Спасибо, товарищ». Когда я ощутил его рукопожатие, меня словно молния пронзила. Спрятал я руку за обшлаг пиджака, спустился в машину, домчался домой и, не отвечая на вопросы встревоженной жены, подошел к кровати, где спал мой маленький сын. Вытащил руку и простер над его головой, чтобы коснулось и его сталинское тепло»*.

Уинстон Черчилль вспоминал: «Сталин произвел на нас величайшее впечатление... Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все, словно по команде, вставали и — странное дело — держали почему-то руки по швам». Однажды он решил не вставать. Сталин вошел — «и будто потусторонняя сила подняла меня с места», — писал Черчилль.

Тепло отзывался о Сталине — об этом «добром дядюшке Джо» — и президент США Рузвельт.

В 1959 году, когда мир уже узнал о делах «доброго дядюшки Джо», Черчилль, выступая в палате общин в день 80-летия Сталина, сказал: «Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин».

Если бы знал Черчилль, что задумал «непоколебимый полководец» тогда — в марте 1953 года!

Но 1 марта 1953 года Сталин лежал на полу, пораженный ударом. В столице своей Империи, начиненной его славой, он, сделавший себя прижизненным божеством, много часов лежал беспомощный в пустой комнате...

Однако и теперь, по прошествии стольких лет, личность Сталина, мотивы его поступков и даже сама его смерть остаются столь же таинственными, как и тогда, в солнечный мартовский день 1953 года.

В своих мягких кавказских сапогах Сталин умело отошел в тень истории, чтобы сейчас вновь замаячил на горизонте грозный образ. И павшая величайшая Империя XX века все чаще вспоминает о своем создателе, и в облаке новых мифов возвращается в страну он — Хозяин, Отец и Учитель.

* Здесь и далее во всех цитируемых документах, дневниках, письмах, воспоминаниях и т.п. сохраняется стиль, орфография и пунктуация оригиналов. курсив в цитатах, за исключением особо оговоренных случаев, мой. — Э.Р.

ТАЙНА

В непроницаемый мрак он сумел погрузить и свою жизнь, и всю историю страны. Беспеременно уничтожая своих соратников, он тотчас стирал всякий их след в истории. Он лично руководил постоянной и беспощадной чисткой архивов. Величайшей секретностью он окружил все, что хоть как-то касалось власти. Архивы он превратил в охраняемые крепости.

Но и теперь, получив доступ к этим прежде сверхсекретным документам, вы вновь окажетесь... перед тайной!

Он сумел предусмотреть и это.

Вот несколько выдержек из секретных протоколов заседаний Политбюро:

1920 год: «Решения Политбюро по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол».

1923 год: «Подтвердить прежнее решение Политбюро: в протоколы Политбюро ничего, кроме решений, записываться не должно».

1924 год: «Работу сотрудников Секретариата ЦК партии считать конспиративной партийной работой».

1927 год: «Принять меры по обеспечению максимальной конспиративности».

Тотальная секретность — традиция загадочного «Ордена Меченосцев», как называл Коммунистическую партию ее вождь Сталин. Он сделал эту традицию абсолютной.

И, начиная рассказ о его жизни, мы вступаем в этот великий мрак. Еще учась в Историко-архивном институте, я знал об этом секретнейшем хранилище документов, которое мой учитель сравнивал с архивом Ватикана — по бесконечному богатству тайн.

Это был архив, существовавший при руководстве Коммунистической партии, при особом Секретном отделе. В нем хранились документы высших органов партии, управлявшей страной семь десятилетий, а также — личный архив Сталина. Это было справедливо, ибо к определенному времени и история партии, и история страны стали историей Сталина.

Этот архив и составил впоследствии основу Архива президента, сформированного при Горбачеве. Я получил уникальную возможность работать в этом хранилище.

В книгу также вошли документы из бывшего Центрального партийного архива — святая святых Коммунистической партии. В нем хранилась ее история — история подпольной группы револю-

ционеров, захватившей в 1917 году власть над шестой частью мира. «Совершенно секретно» — любимая пометка на документах архива.

Теперь Партархив стыдливо переименовал название и именуется Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Но для меня он навсегда останется Партийным архивом. Так я и буду называть его в книге. Желанный архив, в который я стремился так долго...

И конечно, я использовал бывшие секретные фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции. И он после крушения СССР сменил название на Государственный архив Российской Федерации, но и его в своем повествовании я именую по-прежнему. Архив Октябрьской революции — название, раскрывающее его суть. В нем — документы революции и знаменитых большевиков — погибших соратников Сталина, «Особые папки» Сталина — секретные отчеты Вождю...

Такова главная триада архивов, где я искал Сталина. Потаенного Сталина.

После интервью о том, что я пишу книгу о Сталине — первом революционном царе, — я начал получать множество писем. Забавно повторялась история с предыдущей книгой о царе последнем — Николае II.

В этих письмах нет сенсационных сведений, но они передают бесценные детали исчезнувшей эпохи.

Как правило, их писали старые люди, решившие поведать то, чему они были свидетелями.

Я благодарю добровольных моих помощников, жителей исчезнувшей Империи по имени СССР — еще одной погибшей русской Атлантиды.

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

Часто вспоминаю этот разговор. Случился он во второй половине 60-х годов. Я был молод, но был уже автором двух модных пьес. Именно тогда и познакомили меня с Еленой Сергеевной Булгаковой — вдовой самого мистического писателя сталинской эпохи. При жизни Сталина Булгаков прославился несколькими запрещенными пьесами и одной поставленной в знаменитом Художественном театре — «Дни Турбиных». Сталин любил ее какой-то странной любовью: он посетил этот спектакль бесчисленное количество раз...

В 60-е годы большинство произведений Булгакова было по-прежнему запрещено, а о жизни самого писателя рассказывалось

множество фантастических историй. Меня интересовала одна: история его пьесы о Сталине. Именно об этом я и спросил у Елены Сергеевны. И тогда между нами состоялся разговор, показавшийся мне столь примечательным, что я записал его в дневнике.

— Я слышал, что Михаилу Афанасьевичу предложили написать пьесу о Сталине?

— Именно «предложили». К нам приехал директор Художественного театра. Он и предложил написать пьесу к юбилею Сталина. Миша колебался, но потом согласился — у него было особое отношение к Сталину. Он написал интересную романтическую пьесу о Кобе... Вы, конечно, знаете — в юности Сталина называли Коба, это был его партийный псевдоним. Сначала все складывалось удачно — в театре пьесу приняли. Даже тогдашние чиновники, управлявшие культурой, были в восторге.

(Впоследствии я просмотрел рассказ Елены Сергеевны по ее опубликованному дневнику. Вот что там было написано: «11 июля Б[улгаков] читает пьесу в Комитете по делам искусств. Пьеса оч[ень] понравилась. Во время читки пьесы — сильнейшая гроза...»)

— Театр думал ее поставить к декабрю 1939 года — к шестидесятилетию героя, — продолжала она. — Но тут пьесу отослали Сталину, и он ее запретил. Вот, пожалуй, и вся история.

Если бы в ту пору я не был советским драматургом, я бы на этом закончил разговор. Но я им был. И оттого сразу понял чрезвычайную странность рассказанного.

Итак, 1939 год — сталинский террор. Вся страна объята страхом, любая идеологическая ошибка объявлялась вражеским актом. Кто же мог решиться заказать в такое время беспартийному Булгакову, автору нескольких запрещенных произведений, пьесу к юбилею самого Вождя? Да еще для Художественного театра — первого театра страны? Кто из тогдашних руководителей искусства посмел бы взять на себя такое? Естественно, никто, кроме... самого героя будущей пьесы — странного поклонника «Дней Турбиных». Конечно, заказчиком пьесы мог быть только он — Сталин.

И второй вопрос. Я драматург и хорошо знал постоянный страх чиновников. Даже в мое время — сравнительно безопасное — руководители культуры делали все, чтобы самим ничего не решать. А тогда, в страшном 1939 году... неужели эти умиравшие от ужаса чиновники так осмелели, что решились сами восторженно принять пьесу о Сталине, написанную много раз «ошибавшимся»

Булгаковым? Невероятно! Точнее, вероятно только в одном случае: если ее уже одобрил сам заказчик.

Но тогда почему он ее запретил?

Я продолжаю разговор с Еленой Сергеевной:

— Когда было обсуждение пьесы?

— Летом... это был июль.

— И когда ее запретили?

— В августе.

— И... что-то случилось между этими событиями?

Елена Сергеевна усмехнулась. Она читала мои мысли.

— Миша договорился с театром поехать в Грузию. Он хотел побеседовать с очевидцами событий, помнившими Кобу в юности. Их к тому времени немного осталось, все исчезли... Поехали: художник спектакля, режиссер, я и Миша... Он мечтал поработать в архивах.

— В архивах?!

— Ну да, он писал совершенно без документов. Когда он попросил театр помочь ознакомиться с данными о юности Сталина, ему ответили: никаких документов не существует. И он решил поискать сам. Мы отправились в полном комфорте, в международном вагоне. В купе устроили банкет, когда нас нагнала телеграмма: «Надобность в поездке отпала, возвращайтесь в Москву». В Москве Мише объявили: в секретариате Сталина прочли пьесу и сказали, что нельзя Сталина делать литературным героем и вкладывать ему в уста выдуманные слова. А сам Сталин будто бы сказал: «Все молодые люди одинаковы, зачем писать пьесу о молодом Сталине?»

Объяснение было очень странным: в те годы печатались произведения о молодом Сталине. Но они писались так же, как была написана эта пьеса — без документов. Авторы пользовались опубликованными сведениями о жизни великого революционера Кобы... Роковая ошибка Булгакова и была в том, что он захотел ознакомиться с документами, выйти за пределы этих сведений. Как только он попытался это сделать — все закончилось гибелью пьесы.

И я вспомнил... Детство, я сижу в своей комнате. В соседней комнате разговаривают мой отец и писатель Павленко — знаменитый писатель сталинской эпохи.

Несколько слов об отце.

Он был интеллигентом, помешанным на европейской демократии, часто цитировал мне слова чешского президента Масарика:

«Что такое счастье? Это — иметь право выйти на главную площадь и заорать во все горло: «Господи, какое же дурное у нас правительство!»... Он был преуспевающим двадцативосьмилетним адвокатом, когда произошла Февральская революция в России и пала монархия. Отец восторженно приветствовал Временное правительство. Это была его революция, его правительство. Но несколько месяцев свободы быстро закончились, и к власти пришли большевики.

Почему он не уехал за границу — он, блестяще образованный, свободно говоривший на английском, немецком и французском? Обычная история: он любил Россию... В начале 20-х, пока еще были остатки свободы, он редактировал одесский журнал «Шквал», писал сценарии первых советских фильмов, его близкими друзьями были Юрий Олеся, Виктор Шкловский и, наконец, Сергей Эйзенштейн...

После смерти отца в одной из книг я нашел чудом уцелевшее, заложенное между страниц книги письмо Эйзенштейна и несколько непристойных и великолепных рисунков великого режиссера — следы забав их молодости...

А потом наступила пора укрощения мысли. Но отец не роптал, он жил тихо, незаметно, точнее — существовал. Оставив журналистику, он писал инсценировки для театра, в том числе и по романам Петра Андреевича Павленко, автора сценариев двух знаменитых кинофильмов, где действовал сам Вождь: «Клятва» и «Падение Берлина».

Романы Павленко тоже были знамениты. Четырежды ему присваивали Сталинскую премию первой степени... Имя Павленко спасало отца, и хотя многие из его друзей исчезли в лагерях, отца не тронули. Согласно логике тех времен, арестовать его — означало бросить тень на Павленко.

Отец понимал: это может закончиться в любой момент. Он ждал и был готов к ужасному. Но несмотря на эту жизнь под топором, он всегда улыбался.

Его любимым героем был философ и скептик Бротто из романа Анатоля Франса «Боги жаждут». И как франсовский герой печально-насмешливо наблюдал ужасы Французской революции — с той же улыбкой отец наблюдал жизнь сталинской России.

Ирония и сострадание — таков был его девиз...

Я так и запомнил его с этой вечной улыбкой.

В тот день Павленко и отец обсуждали свои творческие планы. Сквозь плохо прикрытую дверь я услышал, как отец благодушно спросил Павленко: